

В. Н. Липский

Антиномии национального бытия и духа в творчестве Ф. Достоевского

В статье на материале творчества Ф. М. Достоевского анализируется проблема антиномий русского бытия и духа. Выражением этой противоположности являются идущие «рука об руку» на протяжении русской истории традиции терпеливости и нетерпимости. Произведения Достоевского переполнены любовью к человеку и человечеству. Лейтмотивом всеобщей любви выступает «Христова всечеловечность», свойственная, по Достоевскому, русскому человеку. Вместе с тем рядом со вселенской терпеливостью соседствует «другой» Достоевский, верящий в русскую национальную исключительность, полагавший православие единственной христианской верой. Достоевский велик не только тогда, когда в своих произведениях запечатлевает «совпадения» русского национального сознания и русского православия со «всецеловечностью», но и тогда, когда он, не свободный от мировоззренческой противоречивости, выражает свойственную русскому национальному сознанию идею нравственного превосходства по отношению к западному миру, своей верой в то, что «новое пришествие совершится в России». Только в этом случае его величие состоит не в поддержке самой идеи исключительности, а в способности ее гениального художественного выражения. Нетерпимость, свойственная русскому духу, – это по большей части нетерпимость к неправде и несправедливости, понимаемым, как это чаще всего бывает на Руси, в своих предельных значениях.

Ключевые слова: асимметрия, терпеливость, нетерпимость, восток, запад, противоречивость, духовность, мировоззрение, добро, страдание, христианство, жертвенность.

V. N. Lipsky

Contrast of the National Being and Spirit in F. Dostoevsky's Works

In the article the contrast between the Russian being and spirit is analysed on the basis of Dostoevsky's creativity. The expressions of this contrast are traditions of patience and intolerance going «hand-in-hand» throughout the Russian history. The works by Dostoevsky are overflowed with love to the human being and the mankind. The keynote of the general love is «the Christ's humanity» which is peculiar to the Russian people according to Dostoevsky. At the same time near the universal patience there is «another» Dostoevsky who believed in the national Russian exclusiveness, considering that Orthodoxy is the only Christian belief. Dostoevsky is a great author not only when he reflects in his books «coincidence» of the Russian consciousness and the Russian Orthodoxy with «the universal humanity», but also when he being not free from the world outlook inconsistency expresses the idea of the exclusiveness in relation to the Western world peculiar to the Russian national consciousness with his belief that «the new coming» will take place in Russia. In this case his greatness consists not in the support of the idea of the exclusiveness itself but in his ability of its ingenious art expression. The intolerance peculiar to the Russian spirit is mostly intolerance to a lie and injustice understood, as it quite often is in Russia, in its extremes.

Keywords: asymmetry, patience, intolerance, the East, the West, inconsistency, spirituality, outlook, kindness, suffering, Christianity, sacrifice.

Бытие, в пространстве которого обитает человек, оказывается жизнеспособным при наличии в нем целого ряда детерминаций. Одно из ведущих мест среди этих детерминаций занимает феномен асимметрии, свойственный окружающему миру и самому человеку. Мир несоизмеримостей многообразен: целое – часть, правое – левое, ночь – день, полушария мозга человека и т. д. Природа несоизмеримостей определяет их взаимозависимость и взаимопереходность. В этом плане проявляющая себя как тенденция терпеливость асимметрично «обнаруживает» себя в нетерпимости. Эта асимметричность – одна из загадок «таинственной» русской души. При этом загадкой является не столько наличие самой асимметричности (это-то как раз вполне объяснимо), сколько своеобразное

взаимодействие терпеливости и нетерпимости, воспринимаемых рациональным мышлением как противоположности. Представляется, что в целом на русской почве нетерпимость возможно рассматривать как форму проявления терпеливости, что было обусловлено и образом жизни, и менталитетом, и верой.

Художественное воплощение антиномичности русского национального сознания глубоко и многогранно отражено в творчестве, наверное, одного из самых русских по духу писателей Ф. М. Достоевского. В нем выразились «русское смирение и русское самомнение» (Н. Бердяев), русская «всецеловечность» и русская национальная исключительность. Руководствуясь логикой религиозного мирозерцания Достоевского, пожалуй,

не будет ошибкой предположить, что смирение и страдание представляются ему одновременно как средство и как цель бытия русского человека. В самых значительных произведениях Достоевского сквозь призму идей смирения и страдания рассматривается, по существу, весь контекст жизни.

Обратим внимание на то, что оба феномена (смирение и страдание) коррелируются с феноменом терпеливости и даже более того, последняя и формируется на их фундаменте, своеобразным образом «перетекает» в них, так как смиренный – это «лишенный гордости, высокомерия, покорный, кроткий» [4, с. 155], а страдать – значит, «испытывать сильную физическую или нравственную боль, страдания, мучиться. Сочувствуя, болезненно переживать чье-либо горе, неудачу» [4, с. 280].

В небольшой по объему, яркой и глубокой речи Достоевского о Пушкине замечательным образом выражена дихотомичность русского национального сознания (как и самого писателя), цели и средства, следуя которым можно «выстраивать» Царство Божие.

Свой очерк о Пушкине Достоевский начинает с размышлений о герое поэмы «Цыганы» Алеко, чья гордость и нетерпеливость, навеянные Пушкину европейской литературой, с одной стороны, трансформировались в основательный анализ русского нигилизма. С другой стороны, среда отторгает мечтателя-нигилиста и себялюбца, пытавшегося приспособить мир «под себя», не прикладывая при этом усилий для личностного «встраивания» в среду. Беда Алеко (не вина), по Достоевскому, в оторванности от народной жизни. Решение вопроса о взаимоотношении личности со средой писатель декларирует следующим образом: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордыню. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве; вот это решение по народной правде и народному разуму. Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен...» [2, с. 448]. Смирение и терпение – вот направление нравственного совершенствования, вот путь, двигаясь по которому, «усмиряя» себя, можно достичь гармонии с миром. Правда не вне человека, а в его собственном нравственном труде над собой, и, лишь усмирив свою гордыню, можно обрести свободу и духовно «слиться» с народом.

Еще одна «вечная» проблема русской жизни, на которую обращает внимание Достоевский в очерке о Пушкине, – это проблема принесения себя в жертву во имя другого. Обращаясь к роману Пуш-

кина «Евгений Онегин», Достоевский отмечает, что Татьяна и по прошествии лет продолжает, несмотря ни на что, любить Онегина. Но осознание того, что на чужом страдании не выстроишь своего счастья, толкает ее замуж за нелюбимого и «чистая русская душа решает... «Пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, и этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят ее, но не хочу быть счастливою, загубив другого!» [2, с. 450]. Этот вид терпеливости, в основе которого лежит смиренность, воспитанная в Татьяне с детства ее няней, В. Соловьев называл «альтруистическим». Скорее всего, именно смиренность и терпеливость, которые проявляет героиня Пушкина, не способная построить свое счастье на несчастье другого, и побудили Достоевского считать ее, а не Онегина, которого он называет «нравственным эмбрионом», главной героиней романа. Писатель даже полагал, что Пушкину, может быть, следовало назвать роман именем Татьяны.

Произведения Достоевского «переполнены» любовью к человеку и человечеству, среди его героев есть и терпеливцы ради принципов (к примеру, когда речь идет о вере), альтруисты, готовые пожертвовать собой ради другого, но лейтмотивом этой всеобщей любви выступает Христова «всечеловечность», свойственная, по Достоевскому, русскому человеку: «Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?» [2, с. 456]. Обращаясь к творчеству Пушкина, Достоевский отмечает в нем «главнейшую способность нашей национальности» – способность «всемирной отзывчивости». Подкрепленная верой, эта способность берет свое начало во всем строе жизни русского человека – антииндивидуалиста по духу, которому свойственно стремление только ко всемирному счастью, «дешевле он не примирится». «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите» [2, с. 457]. Достоевский пишет о жертвенности, которая была свойственна России на протяжении исторического развития, о том, что «всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено».

Все это так. Но рядом (а скорее, может быть, внутри этой вселенской Терпеливости, этой способности понять другие национальные миры) соседствует «другой» Достоевский, верящий в русскую национальную исключительность, порой отождествляющий Бога с русским народом, нетер-

пимый к полякам, евреям, французам, полагавший русское православие единственно истинной христианской верой. Духовно-религиозные искания Достоевского, его мировоззренческий драматизм достаточно красноречиво выражает беседа о вере между Ставрогиним и Шатовым в «Бесах». В ней Ставрогин упрекает Шатова за то, что тот низводит Бога до «простого атрибута народности», а сам Шатов декларирует, что «атеизм все-таки здоровее римского католичества», что всякий великий народ должен верить, что в нем одна истина: «Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенной ролью в человечестве, или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь бога истинного, хотя бы остальные народы имели своих особых и великих богов. Единый народ “богоносец” – это русский народ...» [2, с. 267].

Конечно, Достоевский не принимает нетерпимость «революционера-максималиста» Шатова, но Достоевский верит в мессианскую роль русского народа, он склонен иногда к отождествлению религиозного и народного, он верит, что русское православие есть единственно христианская вера. И это как раз тот случай, когда у писателя, который в многочисленных своих произведениях говорит об очищающей роли страдания и терпеливости, возникают идеи национальной исключительности, отрицательного отношения к католическому миру, что иначе как нетерпимостью не назовешь.

Достоевский велик не только тогда, когда в своих произведениях запечатлевает «совпадения» русского национального сознания и русского православия со «всечеловечностью», но и тогда, когда он, не свободный от мировоззренческой противоречивости, выражает свойственную русскому национальному сознанию идею исключительности по отношению к западному миру, своей верой в то, что «новое пришествие совершится в России». Только в этом случае его величие состоит не в поддержке самой идеи исключительности, а в способности ее гениального художественного выражения.

В работе «Миросозерцание Достоевского» Н. Бердяев пишет о пагубности претензий на мессианство, отмечая, что мессианская миссия была у одного народа – еврейского, но и она завершилась с явлением Христа. После этого в пределах христианского мира мессианское сознание невозможно. Избранный народ – это все христианское человечество. Очевидно, что каждый народ в соответствии со своим образом жизни и менталитетом «преломляет христианство», что придает последнему свое-

образе и индивидуальность, но отнюдь не противоречит вселенскому духу христианства. Бердяев отмечает, что у каждого народа есть своя миссия и Достоевский прекрасно это отразил в своих произведениях применительно к русскому народу. Всечеловечность-терпеливость, способность русского человека болеть судьбами человечества, замечательно выраженные Достоевским, соседствуют у него со столь же поразительной нетерпимостью.

Подобная полярность встречается и в размышлениях писателя о Европе, о месте Востока и Запада в мировой истории. В связи с этим имеет смысл напомнить об особенности, связанной с дихотомичностью проблемы *терпеливость/нетерпимость*, о которой шла речь выше: терпеливость и нетерпеливость на русской почве – это (более, чем где бы то ни было) сообщающиеся сосуды, так как менталитет и внерациональная доминированность национального сознания не склонны к нормативной организации данных феноменов, к их жесткой демаркации. В «Дневнике писателя» (1876 г.), касаясь взаимоотношений России и Европы в Восточном вопросе, Достоевский называет европейцев «хитрыми людьми», а Россию – «честным человеком», который верит в нерушимость договоренностей, законов и строго их соблюдает: «В этом смысле Россию Европа чрезвычайно нагло эксплуатировала. Зато из остальных равновесящих, кажется, никто не думал об этих равновесных законах серьезно... Комичнее всего то, что всегда сходило с рук и всегда тотчас же наступало опять “равновесие”. Когда же случалось и России – не нарушить что-нибудь, а лишь чуть-чуть подумать о своем интересе, – то тотчас же все остальные равновесия соединялись в одно и двигались на Россию: «нарушаешь-де равновесие» [3, с. 283]. Едва ли можно упрекнуть писателя в не объективности, когда он говорит об имевшей место асимметричности (имеющейся и сейчас) во взаимоотношениях России с Европой, вместе с тем дифференциация на «хитрых» европейцев и «честных» россиян недвусмысленно свидетельствует в данном случае о позиции писателя.

Однако в том же «Дневнике писателя», в очерке о Пушкине и других своих произведениях он говорит о Европе с глубоким уважением: «Я хочу в Европу съездить, Алеша, – обращается к брату Иван Карамазов, – отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду

целовать камни и плакать над ними, – в то же время, убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище и никак не более» [1, с. 289]. Европейские идеалы, явившиеся миру в искусстве и других сферах духовной жизни, писатель называет подвигом, который заслуживает преклонения. Вместе с тем Достоевский дает понять, что эти идеалы уже в прошлом, что в современной ему Европе нет места мятежности и отчаянным поискам истины. Задолго до европейцев (О. Шпенглера и др.) писатель сумел рассмотреть, что европейская культура вытесняется рациональной буржуазно-мещанской цивилизацией, в которой высокие стремления и духовные взлеты остались в прошлом. Возможно, эта прозорливость Достоевского и сыграла свою роль в его противоречивом отношении к Европе, но, думается, что первопричиной все же является антиномичность национального сознания, более склонного к полярному восприятию бытия, чем к его срединному отражению: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю», – такую жизненную программу «задает» себе А. Карамазов [1, с. 36]. По-другому он жить не сможет. В этом драматизм его мировоззрения.

Эта двойственность отразилась и на отношении Достоевского к страданию. В известном споре Алеши и Ивана Карамазовых о том, можно ли купить страданиями гармонию, Иван говорит, что высшая гармония не стоит и слезинки даже одного «замученного ребенка», что устроенную всевышним такую гармонию он принять не может. Эту нетерпимость Ивана брат Алеша называет «бунтом».

Но на вопрос Ивана о том, готов ли Алеша, возводя здание «судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище...» [1, с. 308], и на его страдании возвести всеобщее счастье, сам Алеша дает отрицательный ответ. Однако Достоевский верит в очищающую силу страдания. И на то, на что не способен человек, способно божество, которое «может все простить, всех и вся *и за все*, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и за все» [1, с. 308]. Чтобы обрести себя, человек должен пройти через страдание и терпение.

И наоборот. Страдая, человек обретает себя, страдание – путь к духовной свободе. Но у человека всегда есть выбор: он может выбрать свободу и тогда он пойдет путем страданий. Вместе с тем путь беспредельной свободы ведет к своеволию и даже бунту, а это уже проявление нетерпимости и путь в рабство. Значит, свобода – это путь терпения

и страдания, а безграничная свобода ведет к рабству, нетерпимости и насилию. Можно избавить человека от страданий, лишив его свободы. Выход, который предлагает Достоевский, – любовь к Христу, тут свобода уже не связана с насилием, хотя это и ведет к ограничению самой свободы. Таким образом, у человека не остается выбора, кроме принятия страдальческого пути свободы.

Эта противоречивость русского национального сознания в художественной форме исследуется Достоевским в легенде о Великом Инквизиторе (роман «Братья Карамазовы»). Это легенда-выражение идейного противоборства нетерпимости, насилия, принуждения в лице Великого Инквизитора и безответного Терпеливца в лице Христа. Следствием этого противоборства должна явиться жизнь, устроенная либо на рациональных принципах «эвклидоваго ума», сытая и благополучная, но без свободы, либо путь познания добра и зла, трагический путь терпеливости и страдания, который ведет к свободе. Великий Инквизитор говорит, что человек слаб и ему не нужна свобода, которая должна быть оплачена слишком высокой ценой, он обвиняет Христа в том, что тот, призывая к высоким духовным целям, по существу, не любит народ, ибо провозглашенные им цели недостижимы для миллионов людей. Идея Бога чересчур возвышенна и трагична, чтобы быть идеей многих, так как презреть искушения, которые предлагает жизнь, очень тяжело: «Никакая наука не даст им хлеба пока они будут оставаться свободными, – говорит Великий Инквизитор, – но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: “Лучше поработите нас, но накормите нас”. Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собой!» [1, с. 318]. В действительности Великий Инквизитор толкает человека на путь нетерпимости ради сытого благополучия. Страдание – это последствие зла, которое нельзя преодолеть нетерпимостью, что Достоевский «демонстрирует» в романе «Преступление и наказание». Преступление, которое совершает Раскольников, убивая отвратительную старуху-процентщицу, – это проявление нетерпимости к злу. Но такое уничтожение зла «невероятным» путем ведет Раскольникова к духовному самоубийству, ибо зло, утверждает Достоевский, можно уничтожить страданием, терпеливостью и любовью.

В легенде о Великом Инквизиторе Достоевскому удалось «уловить» одну из вечных проблем бытия, которая, хотя и «выявлена» им на русской почве, в действительности является «всечеловеческой». Суть ее весьма зримо предстала и в наше

время, когда идеи материального благополучия, апатичности к проблемам добра и зла, идеи гипертрофированной рациональности «загоняют» человека в лоно несвободы. Трагизм русского бытия не только в том, что путь несвободы бесперспективен, но и в том, что в родовых основаниях нашей культуры весьма значимую роль играли идеалы духовной свободы, теснейшим образом связанные с терпеливостью и жертвенностью, которые ныне подвергаются всяческому «выветриванию» практически во всех слоях российского общества. Много лет назад Достоевский предсказал, что результатом хода событий, при котором нетерпимость будет взята на «вооружение», станет духовное «приручение» слабого большинства, готового ради «хлеба земного» быть послушным и несвободным.

Понятно, что Достоевский на стороне тех, кто готов ради духовной свободы терпеть любые страдания, он чувствует и понимает, что утрата Веры ведет к утрате совести и превращению людей в «беспорный общий и согласный муравейник», но слишком уязвима позиция Великого Инквизитора (даже если «держат в уме» католичество, которое он олицетворяет собой), тем более, что бунтующий атеист Иван Карамазов, по существу, оказывается на стороне Христа. Скорее всего, однозначного ответа нет у самого писателя и, очевидно, маятниковое движение от терпеливости к нетерпеливости, от свободы к несвободе есть сущность этого «механизма».

Вместе с тем это лишь часть истины. В легенде о Великом Инквизиторе Достоевский не только пытается показать непреложную связь Христа со свободой, не только показывает, что изображенный им духовный взлет доступен единицам, но и выдвигает перед человеком цели в форме свободы и любви, причем свободной «любви между Богом и людьми» (Н. Бердяев), и это, пожалуй, особенно ценно.

В творчестве Достоевского при всей его противоречивости отчетливо и во весь голос звучит идея отрицания общества, построенного с помощью какого бы то ни было насилия. Любое принуждение ведет к отрицанию свободы духа, а этого Достоевский принять не может. В социальном смысле он приемлет лишь структуру, в основе которой располагаются терпеливость, духовная свобода и страдание, без которых Царство Божие воздвигнуть невозможно. Добро и терпеливость у Достоевского соседствуют со злом и всяческой нетерпеливостью, но зло и нетерпеливость «растворяются» терпели-

востью и страданием – в противном случае наступает духовная гибель.

И еще одна существенная особенность. Для Достоевского принудительное устройство земного царства – есть римско-западное влияние. В дальнейшем, прельстившись идеями превращения камней в «хлебы земные», по этому пути пошли революционеры ради построения земного царства. На этом пути их спутниками стали нетерпимость и насилие (отметим при этом, что идея революционного переустройства возникла не на русской почве). Русское понимание социального устройства, утверждает Достоевский, в корне отличается от этого. Идею социума, формирующегося на принуждении, он противопоставляет обществу, основанное на свободе, терпеливости и страдании, которые выкристаллизовывались в генезисе русского бытия и русского православия.

Асимметричность европейского и русского мирозерцания константно проявила себя в контексте национальных культур на протяжении их бытия в историческом пространстве. Представляется, что творчество Ф. М. Достоевского выражает эту асимметричность особенно ярко. Нетерпимость, свойственная национальному бытию и духу, – это по большей части нетерпимость к неправде и несправедливости, понимаемая, как это чаще всего бывает на Руси, в своих предельных значениях.

Библиографический список

1. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений [Текст] : в 10 т. – Т. 9 / Федор Достоевский. – М.: Гослитиздат, 1958. – 636 с.
2. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений [Текст] : в 10 т. – Т. 10 / Федор Достоевский. – М.: 1958. – 624 с.
3. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений [Текст] : в 15 т. – Т. 13 / Федор Достоевский. – СПб.: «Наука» (Ленинградское отделение), 1994. – 544 с.
4. Словарь русского языка [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз., под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. 4. С – Я. 1988. – 800 с.

Bibliograficheski spisok

1. Dostoevskij, F. M. Sbranie sochinenij [Tekst] : v 10 t. – T. 9 / Fedor Dostoevskij. – M.: Goslitizdat, 1958. – 636 s.
2. Dostoevskij, F. M. Sbranie sochinenij [Tekst] : v 10 t. – T. 10 / Fedor Dostoevskij. – M.: 1958. – 624 s.
3. Dostoevskij, F. M. Sbranie sochinenij [Tekst] : v 15 t. – T. 13 / Fedor Dostoevskij. – SPb.: «Nauka» (Leningradskoe otdelenie), 1994. – 544 s.
4. Slovar' russkogo jazyka [Tekst] / AN SSSR, In-t rus. jaz., pod red. A. P. Evgen'evoj. – 3-e izd. stereotip. – M.: Russkij jazyk, 1985–1988. – T. 4. S – Ja. 1988. – 800 s.